
18+
HEAVY H
06:00

Heavy H

06:00

«Издательские решения»

Н Н.

06:00 / Н. Н — «Издательские решения»,

Кривоборск — серый провинциальный городок, зажатый в тиски столетних костромских лесов. Здесь всегда сумерки, батареи в панельных пятиэтажках едва теплятся, а из гигантских труб Мясокомбината №6 круглосуточно валит зловещий розоватый дым. Одиннадцатилетний Артем тяжело переживает смерть любимого питомца. На двадцатый день этого серого ада он подговаривает друзей и новую девочку Алису на безумный шаг — тайно проникнуть на охраняемую территорию завода, чтобы узнать что скрывают его стены.

© Н Н.
© Издательские решения

06:00

Heavy H

© Heavy H, 2026

ISBN 978-5-0071-5939-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Будильник не успел зазвенеть — мать накрыла его ладонью, заглушив противный писк на первом же звуке. В комнате было темно и так холодно, что изо рта Артема вылетал едва заметный пар. Из-за старых деревянных рам, которые каждую осень заклеивали пожелтелыми полосками бумаги, нещадно дуло. С улицы доносился тяжелый гул: это прогревался старый «ЛиАЗ» отца. Тот всегда уходил на смену потемну, чтобы к семи часовой толпе рабочих выкатить свой автобус на маршрут.

— Артемка, вставай — тихо прошептала мать, потряся его за плечо. От неё пахло дешевым стиральным порошком и сыростью. — Опоздаешь, историчка опять двойку влепит.

Она щелкнула выключателем. Люстра-ромашка под потолком вспыхнула тусклым, желтушным светом, от которого мгновенно

заболели глаза. Артем зажмурился, натянул одеяло до самого носа и глухо зарычал. Ему было всего одиннадцать, он учился в пятом «Б», и каждое зимнее утро казалось ему смертной казнью. В комнате, кроме него, никого не было — единственный ребенок в семье, предоставленный сам себе в этих четырех стенах с облупившимися обоями.

Мать ушла собираться. Артем со стоном скинул одеяло. Из одежды на нем были только серые, растянутые на коленях трикотажные трусы. Кожа моментально покрылась пупырышками от сквозняка. Какая, к черту, пижама в панельной пятиэтажке, где батареи едва теплились? Качаясь от усталости, он побрел по ледяному линолеуму коридора на кухню, шлепая босыми ногами.

На кухне было не теплее. Запотевшее окно полностью покрылось морозными узорами,

сквозь которые едва пробивался розоватый, ядовитый отсвет от далеких труб Мясокомбината. Мать уже стояла в пальто и пуховом платке, застегивая сапоги. Увидев сына, она быстро шагнула к нему, чмокнула в холодную щеку и ткнула пальцем в сторону плиты.

— Кашу съешь всю, силы нужны. Чай на столе. Я побежала, а то Людка из первой смены опять кассу не сдаст, — затараторила она. Дверь захлопнулась, замок щелкнул, и в квартире повисла тяжелая, ватная тишина.

Артем сел на шаткую табуретку. На столе стояла тарелка с овсянкой. Без варенья, без масла — просто серая, склизкая масса, напоминающая строительный раствор. Он лениво зачерпнул ложку, запихнул в рот и стал медленно жевать, глядя в одну точку. Вкус был пресным. Чтобы хоть как-то протолкнуть кашу внутрь, Артем налил в

граненый стакан крепкого черного чая, щедро плеснул туда молока из пакета и сделал большой глоток. Проводя ложкой по дну тарелки, он слушал, как за окном, пробивая утреннюю тишину, завыла далекая сирена Мясокомбината. Двадцатый день без его кота. Двадцатый день этого гребаного серого ада

Артем швырнул ложку в раковину. Звон о немытый фаянс показался слишком громким в пустой квартире. Он быстро натянул колючий свитер, видавшие виды джинсы и старую пуховую куртку, которая уже жала в плечах. Напоследок завязал шнурки на тяжелых ботинках и, натянув шапку на самые уши, выскочил в подъезд. Там пахло табачным дымом и сыростью.

На улице зима окончательно вступила в свои права. Снег под ногами неприятно хрустел, а фонари на ржавых столбах едва пробивали

утреннюю полутьму. Дорога к школе пролегала через пустырь, аккурат мимо бетонного забора Мясокомбината. Стоило Артему подойти ближе, как в нос ударил этот приторный, удушливый запах. Фу-у… Его аж передернуло. Это была смесь вареного жира, сырой крови и чего-то сладковато-тухлого — того самого нового аромата, который появился на комбинате за последние недели. Запах въедался в одежду, оставался на губах мерзким привкусом.

Артем ускорил шаг, стараясь дышать через рот. Справа тянулся глухой забор с колючей проволокой, слева — темная, непроглядная стена старого пригородного леса. Все вокруг было тусклым, серым, словно из мира окончательно выкачали все цвета. Артем шел по узкой, едва утоптанной в снегу тропинке, как вдруг боковым зрением уловил движение со стороны деревьев.

Что-то массивное и абсолютно черное бесшумно отделилось от соснового ствола.

У парня перехватило дыхание. Сердце испуганной птицей забилось в грудную клетку. В панике он резко дернулся в сторону, потерял равновесие и с глухим выдохом полетел спиной прямо в глубокий сугроб. Холодный снег моментально забился за шиворот, обжигая кожу, но Артем даже не заметил этого. Он лежал, тяжело дыша, и во все глаза смотрел на опушку леса, ожидая, что сейчас оттуда вылезет жуткий безликий монстр.

Но там никого не было. Лишь старая корявая береза качалась под порывом ледяного ветра, сбрасывая с веток снежные шапки. Просто игра теней в утренних сумерках. Обычная паранойя. Артем поднялся, отряхивая куртку дрожащими руками, но ощущение, что из чащи за ним кто-то

пристально наблюдал, так и не покидало его.

До школы Артём практически бежал, постоянно оглядываясь на замерший, угрюмый лес. В вестибюле было шумно, пахло мокрой обувью и хлоркой. У вешалок его уже ждала вся банда: Андрей — высокий, вечно сутулящийся парень в очках, тихий Саша и Лёха, который уже успел где-то вымазать рукав школьного пиджака.

— Здорово, Арто, — Лёха хлопнул его по плечу. — Ты чего бледный какой, будто покойника увидел?

— Да так, показалось в лесу кое-что… — буркнул Артём, снимая куртку. Рассказывать про позорное падение в сугроб из-за дерева не хотелось. — Пацаны, надо сегодня ночью на Мясокомбинат слазить. Сил моих больше нет. Двадцать дней, как… ну, вы поняли. Надо узнать, что там происходит.

Андрей испуганно поправил очки, а Саша

хотел что-то ответить, но их прервал оглушительный, дребезжащий школьный звонок. Первый урок — русский язык. Самый худший кошмар для любого пятиклассника в этой школе.

Кабинет русички встретил их гробовой тишиной. Светлана Борисовна, женщина колоссальных размеров с закрученной на затылке седой гулькой, уже стояла у доски. Её пронзительный взгляд из-под тяжелых очков сканировал класс, словно радар. Все расселись по местам за секунду. Артём сел за третью парту и с ужасом вспомнил: домашнее задание по упражнению со сложными предложениями он вчера даже не открывал. Голова была забита мыслями о погибшем коте и странном поведении родителей.

— Итак, одиннадцатый класс не за горами, а вы до сих пор путаете правила, — громом

раздался голос Светланы Борисовны. Она раскрыла классный журнал. — К доске пойдет… Пойдет к нам… Артём. Пожалуйста, покажи нам свои успехи в домашней работе.

У Артёма внутри всё похолодело. Напряжение в классе можно было резать ножом. Он медленно поднялся со стула, чувствуя, как тридцать пар глаз уставились ему в спину, а в рюкзаке лежал абсолютно пустой черновик.

Из школы Артём возвращался с жирной, вдавленной в дневник двойкой. Выкрутиться у доски не вышло — русичка раскусила его за секунду и устроила показательную казнь перед всем классом. Впрочем, мысли Артёма были заняты совсем не учёбой. Впереди была ночь.

Дома всё тянулось своим чередом, серым и монотонным. Отец вернулся со смены уставший, с тёмными кругами под глазами,

мать молча накладывала в тарелки разваренные макароны без всего. Семья ужинала в тишине, нарушаемой только звяканьем ложек. Попили пустой чай. Родители, измотанные работой, рано легли спать, а Артём для вида посидел над учебниками, делая вид, что учит уроки. На самом деле он то и дело поглядывал на электронные часы на столе.

В половине первого ночи, когда из спальни родителей донёсся глухой отцовский храп, Артём бесшумно оделся, перекинул через плечо старый школьный рюкзак и выскользнул за дверь.

У заколоченного стадиона за школой, где они договорились встретиться, уже переминались с ноги на ногу Андрей, Лёха и Саша. От холода у всех шёл пар изо рта. Никто не разговаривал — страх и азарт сковали парней. Фонари во дворе не горели,

и к забору Мясокомбината они пробирались практически на ощупь, утопая в сугробах.

Огромная бетонная стена комбината в темноте казалась крепостью людоеда. Парни нашли место, где к забору подступал старый деревянный короб теплотрассы.

— Я первый, — шёпотом скомандовал Артём и полез наверх.

Но вылазка обернулась полным провалом. На самом верху забора в темноте они не разглядели натянутую в несколько рядов колючую проволоку — ржавую, с острыми, как бритва, шипами. Саша лез вторым, оступился на скользком бетоне и с глухим вскриком полетел вниз. Раздался противный, громкий треск рвущейся ткани.

— Блин! Джинсы! — зашипел Саша, потирая ушибленное колено. На бедре красовалась огромная прореха, из которой торчала бледная кожа. — Мать меня убьёт, они новые!

В этот момент на территории завода где-то вдалеке зашлась яростным лаем собака, а по бетонной стене скользнул жёлтый луч прожектора.

— Шухер, валим! — панически крикнул Лёха.

Они бежали назад к школе без оглядки, тяжело дыша и спотыкаясь о скрытые под снегом коряги. Остановились у школьных ворот, испуганные, замёрзшие и злые.

— Всё, хорош, на сегодня отбой, — тяжело дыша, сказал Артём, пытаясь унять дрожь в руках. — Мы как олухи пошли. Ни черта не подготовились. Собираемся ровно через неделю на этом же месте. Но теперь нормально: каждый несёт фонарик, найдём какую-нибудь верёвку и… возьмите немного воды в бутылках. Мало ли что, вдруг пить сильно захочется, если запрёмся туда надолго.

Панически оглядываясь на возвышающиеся

в темноте трубы комбината, пацаны молча закивали и быстро разошлись по своим подъездам. До новой попытки оставалось ровно семь дней.

В воскресенье вечером серая пятиэтажка погрузилась в тяжелое, липкое похмелье выходного дня. Мать еще в обед собрала сумку и уехала с ночевкой к тете Жене на другой конец города — якобы крутить банки с соленьями, но Артём знал, что она просто хотела сбежать от отца.

К вечеру в их тесной кухне уже стоял дым коромыслом. Отец позвал двоих коллег из автобусного парка — дядю Толю и лысого соседа с третьего этажа, дядю Витю. На клеенчатом столе, среди корок черного хлеба и сизых хвостов соленой кильки, сиротливо жались друг к другу три пустые «чекушки». Мужики уже хорошенько накатили, их лица раскраснелись, а голоса

стали громкими, хриплыми и злыми.

Артём сидел в своей комнате, пытаясь читать, но дверь на кухню была приоткрыта.

— Тёмка! А ну иди сюда, ще… то есть, парень! — зычно крикнул из кухни дядя Толя, заплетающимся языком. — Иди к мужикам, чё ты там сычом забился? Ты ж большой уже!

Артём нехотя поднялся и зашел на кухню. В нос сразу ударил удушливый запах перегара, дешевых сигарет «Прима» и всё того же странного мясного паштета, который отец купил к водке в местном магазине. Мужики посмотрели на пятиклассника мутными, осовелыми глазами. Дядя Толя бесцеремонно сгреб Артёма огромной, пахнущей мазутом ладонью за шею и притянул к себе.

— Вот, гляди, Михалыч, какой орёл растет, — пробасил он, обращаясь к отцу Артёма. — Ну чё, Тём, колись, давай по-мужски. Какие

девки-то в классе нравятся? М? Небось, портфель уже носишь кому-то? С кем за гаражами целовался, признавайся?

Артёму стало тошно. Щеки обожгло стыдом, а к горлу подкатил ком. Эти глупые, лезущие под кожу взрослые вопросы всегда вызывали у него ярость, смешанную с беспомощностью. Отец лишь хмыкнул, делая затяжку и глядя на сына тяжелым, невидящим взглядом. Мужики заржали — громко, раскатисто, обнажая желтые зубы.

Артём смотрел на тарелку с недоеденным мясным паштетом. Ему вдруг показалось, что серая масса на куске хлеба едва заметно шевельнулась, словно в ней еще теплилась чья-то чужая, оборванная жизнь.

— Да ну, все девчонки у нас в пятом классе скучные, — Артем изо всех сил постарался придать голосу безразличие и аккуратно вывернулся из-под тяжелой руки дяди Толи.

— Дуры одни. Никто не нравится.

Мужики разочарованно загудели, но расспросы прекратили. Отец молча потянулся к пачке сигарет. Понимая, что пьяный язык — самый болтливый, Артем запрыгнул на свободный стул в углу и, затаив дыхание, спросил как бы невзначай:

— Слушайте… А вы про Мясокомбинат наш чё-нибудь знаете? Ну, чё там по ночам за гул стоит? И дым этот розовый… Пацаны в школе говорят, там цеха новые открыли секретные.

Мужики на секунду притихли. Дядя Витя, сосед с третьего этажа, медленно опустил граненый стакан на клеенку. Его лицо, еще минуту назад веселое и багровое от водки, резко осунулось. Он покосился на окно, за которым в глубокой темноте угадывались далекие силуэты заводских труб, и глухо сплюнул на пол.

— Не суй ты нос туда, малый, — тихо, совсем другим голосом сказал он. — Меньше знаешь — крепче спишь. Пассажиры мои из той смены… которые из ночной… они ж заговариваться начали. Один говорит, на фарш вообще говядину переставили возить. Пригоняют поезда товарные, глухие, без окон. А из вагонов ни мычания, ни звука. Только вонь стоит такая, что у сцепщиков глаза режет.

— Да ладно тебе жуть нагонять, Витька, — оборвал его отец Артема, но его рука с зажигалкой заметно дрогнула. — Секретные цеха… Жрут там все этот паштет «Экстра» и добавки просят. Вон, у нас в парке мужики килограммами скупают. Дешево же. И сытно. Самое то под чекушку.

— Да сытно-то сытно, Михалыч, — дядя Толя покачал головой, и его мутные глаза на мгновение стали абсолютно пустыми,

стеклянными. — Только я заметил… кто этот паштет жрать начинает, у тех бабы из дома бежать пробуют. Вот как твоя сегодня. Моя-то дура вчера тоже чемодан собрала, кричала, что я пахнуть стал… мертвечиной какой-то. Да далеко не ушла. У забора комбината её вечером и перехватили. Сейчас дома сидит. Смирная стала, молчит только. И мясо просит. Постоянно мясо…

Артема обдало ледяным потом. Он посмотрел на отца, но тот лишь молча налил себе еще стопку, словно не услышав слов друга.

Прошла неделя. До новой вылазки на комбинат оставалось всего пара дней, но в среду привычный серый мир Артёма внезапно треснул по швам.

На третьем уроке дверь класса открылась, и классрук вывела к доске новенькую. Её звали Алиса. Она была совсем не похожа на

местных девчонок из панелек: аккуратное каре, ярко-желтый пуховик, который казался инородным пятном среди школьной серости, и огромные, спокойные зеленые глаза. У Артёма внутри что-то странно ухнуло и покатилось в самый желудок. Назло всему классу, единственное свободное место оказалось именно за его партой. Алиса молча села рядом, достала тетрадь и аккуратно разложила ручки.

Артёма моментально заклинило. Вместо того чтобы нормально поздороваться, он, как последний олух, почувствовал, как уши заливает краской. Внутри включился дурацкий мальчишеский механизм самообороны: если девчонка пипец как нравится — нужно вести себя как полный придурок, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Эй, новенькая, че у тебя пуховик как цыпленок? — громко буркнул Артём на весь

класс, демонстративно отодвигая свой рюкзак на середину стола. — Места мало, не залезай на мою половину парты. И вообще, у нас тут свои правила, поняла?

Алиса даже не повернула головы. Она лишь едва заметно повела плечом и продолжила писать, проигнорировав его выпад. Весь оставшийся день Артём изводил её как мог: то специально ронял её стёрку, то шепотом обзывал заносчивой выскочкой, а на перемене дёрнул за лямку рюкзака. Но внутри его затапливало жгучее чувство стыда за собственную глупость. Он ненавидел себя за эти придирки, но остановиться уже не мог.

После уроков он бежал домой быстрее ветра, наплевав на пацанов. Гордость была уязвлена, а сердце колотилось как сумасшедшее. Артём твердо решил: он всё расскажет маме. Она сегодня как раз

должна была вернуться со смены пораньше. Мама добрая, она точно поймет, не станет ржать, как пьяный дядя Толя, и даст нормальный совет, что делать с этой Алисой и как исправить то, что он натворил.

Артём ворвался в квартиру, на ходу сбрасывая ботинки. На кухне горел свет, и оттуда доносился родной, уютный запах жареной картошки. Мама стояла у плиты, помешивая ужин большой деревянной ложкой. Выглядела она уставшей, под глазами залегли серые тени, но, увидев сына, она слабо улыбнулась.

— О, пришел, голодранец. Руки мой и за стол, — тихо сказала она.

Артём зашел на кухню, сел на табуретку и принялся крутить в руках пустую солонку. Горло сдавило от волнения. Он не знал, как начать, поэтому решил зайти издалека.

— Мам… У нас это… ну, в класс сегодня

новенькая пришла. Из центра перевелась, кажется. Алиса зовут, — Артём постарался сказать это как можно проще, но голос предательски дал петуха на имени девочки, а пальцы так сильно сжали солонку, что побелели костяшки. Он быстро отвел взгляд в окно, на замерзшие панельки. — Ну и дура короче. Пуховик у неё желтый, как у цыпленка какого-то. Села со мной, выпендривается сидит, тетрадки свои разложила… Я ей сразу сказал, чтоб на мою половину парты не лезла.

Мама перестала мешать картошку. Она медленно повернулась к сыну, оперлась о край плиты и внимательно посмотрела на его пунцовые уши. В её усталых глазах промелькнула теплая, едва заметная смешинка. Она вытерла руки о фартук, подошла к столу и села напротив Артёма.

— Тём, — тихо произнесла она, заглядывая

ему прямо в лицо. — А ну-ка посмотри на меня.

Артём нехотя поднял глаза, чувствуя, как щеки обжигает стыдом.

— Она тебе нравится, да? — спросила мама, и в её голосе не было ни капли насмешки. Только мягкое, понимающее спокойствие.

Артём замер, раскрыл было рот, чтобы привычно прикрикнуть и всё отрицать, но под этим теплым маминым взглядом вся его броня моментально осыпалась. Он лишь шмыгнул носом и понуро опустил голову, признавая поражение. Мама всё поняла по одному только тому, как у него дрогнул голос.

На следующий день пацаны превзошли самих себя в глупости. Лёха, Саша и Андрей как-то подозрительно быстро нашли общий язык с Алисой на перемене. Артём лишь угрюмо наблюдал из угла коридора, как Лёха вовсю травит ей свои байки, а Андрей

кивает, поправляя очки. Но самое худшее ждало его после уроков.

План друзей по «примирению» был шит белыми нитками. Когда Артём забирал куртку из гардероба, к нему подбежал Лёха и заговорщически подмигнул. Оказалось, пацаны разыграли целый спектакль: они якобы случайно проболтались Алисе про ночную вылазку на Мясокомбинат, а та возьми и заяви, что не боится и пойдет с ними. Чтобы доказать Артёму, какая она крутая, пацаны устроили проверку. Саша «случайно» выронил из рюкзака спрятанный фонарик и верёвку прямо перед Алисой, а она, вместо того чтобы сдать их завучу, подняла вещи и протянула Артёму.

— На, держи, растеряха, — спокойно улыбнулась Алиса, протягивая ему моток бечёвки. — Ребята сказали, вы сегодня ночью за забор лезете. Возьмите меня. Я

лазаю лучше вас всех, честное слово.

Пацаны сзади вовсю строили Артёму рожи, безмолвно умоляя: «Ну посмотри, какая она классная! Соглашайся!». Они пипец как хотели их подружить.

Но Артёма от этой топорной подставы только переклинило. Ему показалось, что над ним просто издеваются. Мало того, что Алиса лезет в их мужские дела, так еще и друзья выдали ей их главный, самый опасный секрет про двадцатый день и кота!

— Вы чё, совсем придурки?! — взорвался Артём, выхватывая верёвку у неё из рук и злобно глядя на Лёху с Сашей. — Какая ещё девчонка с нами? Это не прогулка по парку! Там собаки, там забор с колючкой! Иди домой, Алиса, кукол качай! И вы двое — рот на замок. Никуда она не пойдет.

Алиса резко переменилась в лице. Её зелёные глаза сузились, а добрый взгляд

сменился ледяным презрением. Она молча развернулась, накинула свой ярко-желтый пуховик и быстрым шагом пошла к выходу, громко хлопнув дверью школы.

— Ну ты и дурак, Тёма… — разочарованно протянул Андрей, качая головой. — Мы же как лучше хотели. Она рисковать ради нас была готова.

Но спорить было некогда. Домашние часы неумолимо приближали стрелки к полуночи. Хотели они того или нет, но именно в эту ночь, без Алисы, им предстояло совершить второй штурм проклятого завода.

В назначенную ночь небо затянуло глухими тучами, из-за чего на пустыре у Мясокомбината было хоть глаз выколи. Артём, Лёха, Саша и Андрей встретились на том же месте у стадиона. На этот раз подготовились лучше: у Лёхи в кармане лежал тусклый китайский фонарик, Андрей

притащил из дедовского гаража толстый канат, а у Саши в рюкзаке глухо булькала полуторалитровая бутылка из-под «Шишкиного леса», набранная из-под крана.

Они двинулись вдоль бетонной стены в самый дальний угол, где забор близко подходил к лесу. О чудо — в одном месте верхняя часть забора была пустой. Ржавая колючая проволока здесь оборвалась и уныло свисала вниз плетью.

Парни только приладили канат и приготовились штурмовать стену, как вдруг из темноты заснеженных кустов бесшумно выросла фигура. Артём едва не заорал от страха, нащупывая в

кармане складной нож, но свет фонарика выхватил знакомый капюшон. Это была Алиса. На ней была темная куртка, а приметный желтый пуховик она благоразумно оставила дома.

— Я же сказала, что пойду с вами, — твердо,

без тени страха шепнула она, скрестив руки на груди. — Не бросите же вы меня тут одну ночью в лесу?

— Да конечно не бросим! — тут же зашептал Лёха, а Саша с Андреем согласно закивали головами как китайские болванчики. Предатели.

— Ну уж нет! — разозлился Артём. — Мы договаривались — только пацаны! Алиса, иди домой!

— Ладно, — Алиса прищурилась. — Давай по-честному. Играем в «Цу-е-фа». Выигрываешь ты — я разворачиваюсь и ухожу. Проигрываешь — я лезу с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.